

МАРУША
КРАМЕР

ХИРУРГИЯ МЕСТИ

Марина Крамер
Хирургия мести
Серия «Закон сильной.
Криминальное соло Марины Крамер»
Серия «Клиника раненых душ», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42114936

Марина Крамер «Хирургия мести». Серия «Закон сильной.

Криминальное соло Марины Крамер». Литературно-художественное

издание: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-101869-6

Аннотация

Пластический хирург Аделина Драгун готовится к очередной операции. Но, похоже, пациентка не совсем понимает, что именно произойдет с ее лицом после того, как снимут последние швы. Или – понимает? Известная журналистка Станислава Казакова явно скрывает что-то и от врачей, и от единственной подруги. Даже психолог не в состоянии понять, о чем на самом деле думает эта женщина. А та хочет только одного – восстановить справедливость, чего бы ей это ни стоило...

Содержание

Аделина	6
Анастасия	14
Станислава	26
Аделина	32
Анастасия	45
Станислава	57
Аделина	68
Анастасия	77
Станислава	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Марина Крамер

Хирургия мести

То, что видят глаза, не имеет значения, то, что видит сердце, – не знает условностей.

АНХЕЛЬ ДЕ КУАТЬЕ. СХИМНИК

– Не знаю, что ты будешь делать, какими методами – мне наплевать. Но хоть землю жри, а найди мне эту девушку. Хозяин кабинета мерил его шагами взад-вперед и то и дело вытирал покрасневшую лысину большим клетчатým платком.

В кабинете было прохладно, даже зябко, кондиционер работал на полную мощность, но явно не летняя погода была причиной повышенной потливости толстяка в сером костюме и белой рубашке.

Полосатый галстук валялся на столе среди бумаг, буквально сорванный с бычьей шеи владельца пару минут назад.

– Ты пойми, если она что-то знает – а она не может не знать, я в этом уверен, – то нам всем скоро придется давать показания в сером доме. И не думай, что тебе удастся увильнуть, нет! Все сядем, все, как один, я тебе обещаю! Я на себя брать лишнего не стану, имей в виду и остальным скажи. Вы заинтересованы в том, чтобы найти эту девушку, ровно так же, как и я, так и запомни!

– Сперва успокойтесь. Я не думаю, что она представляет

какую-то реальную угрозу, – негромко проговорил сидевший за длинным столом молодой мужчина со светлыми волосами. – Но ради вашего спокойствия я, конечно, постараюсь выяснить все, что ей известно.

– Вот и постарайся! – с угрозой в голосе произнес толстяк, останавливаясь напротив него.

Молодой мужчина поднялся, аккуратно задвинул стул и внушительно сказал:

– Не стоит раньше времени панику поднимать. Только лишнее внимание привлечем, а это никому не нужно. Будем действовать тихо.

– Главное, действуй быстро, стратег, как бы поздно не стало.

Аделина

Оказывается, очень странное это ощущение – не хотеть идти на работу. Мне прежде никогда не доводилось испытывать подобного.

Наверное, все дело в том, что раньше работа была смыслом моей жизни и вообще единственным, что в этой самой жизни у меня было. А теперь у меня появился муж...

Да, и новое слово в лексиконе – муж.

Матвей Мажаров, будущий преподаватель медицинской академии, а в прошлом – отличный хирург-пластик.

Так случилось, что оперировать самостоятельно Матвей больше не может, но это вовсе не помешало ему преподавать хирургию будущим врачам. И вот именно из-за Матвея я теперь порой совершенно не хочу выбираться из постели и ехать в свою клинику, особенно в те дни, когда Матвей там не консультирует.

У меня началась какая-то новая, прежде совершенно неизвестная мне жизнь – жизнь замужней женщины.

Не скажу, что все давалось легко, вовсе нет. Адаптировавшись за столько лет к одиночеству и полной свободе, я с большим трудом привыкала к тому, что теперь не могу решать что-то сама, зато могу рассчитывать на совет и помощь Матвея, но для этого ему нужно говорить о проблеме и прислушиваться к тому, что он говорит.

Эта наука давалась мне с большим трудом, но и Матвею было нелегко – у него тоже был не такой уж большой опыт совместной жизни с кем-то. У меня же его не было вовсе. И мы притирались друг к другу, интуитивно нащупывая правильные ходы.

Даже совета спросить мне было не у кого – мама давно умерла, а единственная подруга Оксана сама теперь в разводе.

Как ни кощунственно звучит, но преодолеть все сложности нам помогла реабилитация Матвея после тяжелого ранения в грудь.

Я возила его на процедуры, все время была рядом и даже дома заставляла делать упражнения до тех пор, пока Матвей не падал без сил.

– А как ты хотел? Ты хирург, тебе руки нужны, выносливость, чтобы у стола стоять по несколько часов, – уговаривала я, лежа рядом с ним на полу и глядя на то, как вздымается от тяжелого дыхания его грудная клетка.

– Мне кажется, Деля, я уже никогда не встану за операционный стол, – сказал однажды Матвей, закрыв глаза. – Одышка, рука дрожит...

Это меня так испугало, что я долго не могла вымолвить ни слова. Я уже проходила такое в жизни – давно, еще в молодости, и тоже с хирургом после огнестрельного ранения.

Нет, я не позволю Матвею сдаться.

И я не позволила. Мы сделали все, что только было воз-

можно, однако Мажаров сам принял решение не возвращаться к операциям.

– Не могу я постоянно бояться за чужую жизнь, – сказал он мне как-то за ужином. – Ты только представь, какой урон я нанесу репутации твоей клиники, если из-за своего состояния причиню вред пациенту? Перехвачу лицевой нерв, например, и все – жизнь искалечена. Нет, Деля, я на это права не имею.

– Останешься лечащим врачом, – отозвалась я, не в состоянии даже представить, что его не будет в моей клинике.

– Нет, Деля, не останусь, – тихо, но твердо сказал Матвей. – Консультантом, если нужен, буду приезжать, но в штат возьми нового хирурга.

– Матвей...

– Что?

– Но... как же ты? Что ты будешь делать?

– Мне предложили должность на кафедре хирургии.

– И ты молчал? – укоризненно покачала я головой.

– Не молчал, вот говорю. Но прежде... – он поднялся и вышел из кухни, а спустя пару минут вернулся с небольшой красной коробочкой: – Ты согласишься выйти за меня замуж?

Я закрыла руками лицо и тихо заплакала. Это было неожиданно, мы не обсуждали с ним возможность такого шага, мы просто жили вместе, и вдруг Матвей делает мне предложение.

– И как же мне расценивать твои слезы? – убирая мои руки от лица, спросил Матвей, чуть улыбаясь. – Надеюсь, как слезы радости?

– Конечно, – прошептала я, слизывая слезы с губ.

– Тогда подставляй пальчик.

Кольцо было прекрасным – не особенно вычурным, даже строгим, но мне оно показалось самым лучшим украшением из всех возможных.

– Ты даже с размером угадал...

– Ну, я ведь знаю твой размер хирургических перчаток, – рассмеялся новоиспеченный жених. – Ты какую свадьбу хочешь?

– Никакой не хочу, – я обняла его за шею и поцеловала. – Давай просто распишемся и поедем куда-нибудь на недельку? Туда, где нет телефонов, будильников и операционных дней?

– Богатая идея, – одобрил Матвей.

Мы скромно расписались в ЗАГСе, отметили это дело в ресторане с матерью Матвея, моим братом Николаем, Оксаной и старым приятелем Матвея Валентином Мамонтовым, благодаря которому, собственно, вообще когда-то состоялась наша встреча, и на завтра улетели на Сейшельские острова.

Поселились там в небольшом отеле с отдельными бунгало и целую неделю только и делали, что купались, пили местные напитки и предавались любви под ночной шум волн. Более

идеальное бракосочетание придумать было сложно.

– Вы, Аделина Эдуардовна, поразительно меняетесь, когда на вас нет белого халата, – шутил Матвей, растянувшись рядом со мной в шезлонге. – Со стороны и не подумаешь, что на самом деле вы – обладательница железного характера, твердой воли и уверенной руки.

– Очень смешно, – я переворачивалась на бок и смотрела в лицо своего мужа, стараясь запомнить каждую черту, каждую мимическую морщинку у глаз.

Мне казалось, что до появления в моей жизни Матвея я вообще ничего не видела, не чувствовала и не понимала.

Я и его-то не сразу подпустила близко, потому что привыкла не доверять мужчинам, не рассчитывать на них и вообще держаться подальше. Но когда увидела его почти бездыханным на пороге своего кабинета, с огнестрельным ранением в грудь, вдруг поняла – если его со мной не будет, то моя жизнь закончится.

Это открытие поразило – мне казалось, что такое чувство, как любовь, я больше никогда не испытаю после пережитого предательства, что мой первый мужчина убил во мне все живое, и изнутри я давно сгорела.

Но, оказывается, Мажарову удалось найти на этом пепелище что-то теплящееся и заставить меня вновь почувствовать что-то. И за это я буду благодарна своему мужу до конца моих дней.

– Не хочется улетать, правда? – спросил Матвей в послед-

ний день нашего отпуска. – Так хорошо тут, беззаботно. Нет, я понимаю, конечно, что жизнь без забот тебя не устроит, но я очень рад, что смог тебя уговорить хоть на недельку.

– Ты? Меня? Уговорить? – изумилась я. – Мне казалось, что идея принадлежала мне.

– Да какая, в принципе, разница? Главное, что ты за всю эту неделю ни разу не вынула из чемодана телефон, – захотел супруг. – Это ж кому рассказать! Интересно, как там без твоего неусыпного контроля в клинике дела-то идут?

– Ой, перестань! Все там нормально. Васильков замещает, у него всегда все по полочкам. Ну, кроме бумаг, конечно.

– Но тебе по-прежнему нужен еще один хирург, дорогая моя, – Матвей снова лег на спину, подставив солнцу грудь с заметным шрамом. – Когда планируешь этим заняться?

– Точно не сегодня. И даже не завтра. У меня отпуск и медовый месяц.

– Ты растешь на глазах, – одобрил он. – Тогда идем плавать, пока у нас на это еще есть время.

Вернувшись домой, я приняла решение еще недельку провести дома – впервые в жизни меня совершенно не тянуло на работу, и я, слегка удивленная новым ощущением, посчитала нужным воспользоваться этим и продлить отпуск.

Матвей только с улыбкой покачал головой, но я видела, что остался доволен этим решением. Он тоже не спешил на новое место работы, но у него было еще около месяца в за-

пасе.

– Чем займемся? – спросил Матвей в первое утро после возвращения.

Я довольно плохо адаптировалась к разнице во времени, а потому планировала провести хотя бы половину дня в постели, но у мужа, похоже, были планы.

Он бодро встал, долго шумел водой в душе, потом готовил завтрак и, когда из кухни потянуло свежим кофе и поджаренным хлебом, вернулся ко мне:

– Хватит валяться, идем завтракать.

– Что-то тебя женитьба испортила, – пробормотала я, накрываясь с головой простыней. – Ты стал подозрительно активен по утрам.

– Вставай-вставай, – Матвей решительно сдернул простыню и крепко ухватил меня за лодыжку: – Деля, ну в самом деле, остывает же.

– Ты планируешь всю неделю практиковать такое? – поинтересовалась я, садясь и пытаясь натянуть шелковый халат. – Потому что если это так, я завтра же на работу выйду, там спокойнее.

Матвей захохотал и вдруг подхватил меня на руки, чем изрядно испугал – не надо бы ему пока таких нагрузок.

Я непроизвольно положила руку ему на область сердца, и Матвей, поняв, в чем дело, покачал головой:

– Ну прекрати. Ничего со мной не случится, я уже давно здоров.

Я уткнулась лбом ему в плечо и пробормотала:

– Я не хочу тебя потерять.

– С ума сошла! Куда я денусь? И хватит тут панихиду разводить, идем все-таки завтракать.

Но тихий семейный завтрак был омрачен телефонным звонком на мой мобильный. Это оказался доктор Васильков, который замещал меня в клинике.

– Я, Аделина Эдуардовна, крайне раздосадован необходимостью тревожить вас, – витиевато начал он, и я насторожилась:

– Что-то случилось?

– Ничего серьезного. Но вы срочно нужны.

Я не стала выяснять причину, сбросила звонок и пошла одеваться.

Анастасия

Люблю я старый советский кинематограф. Современный не люблю, а вот тот, что был в моем детстве, просто обожаю.

Цитатами из тех фильмов могу общаться с подругой и не повториться, не потерять мысль, не отойти от темы, и нам обеим все будет понятно. Просто Стася такая же, как я.

И вот, пользуясь этой своей привычкой, могу ответственно заявить, что фраза: «Ходишь, понимаешь, ходишь в школу, и вдруг – бац!» – как нельзя лучше отражает то, что случилось со мной ранним утром пятнадцатого июня.

Эту дату теперь я не забуду никогда, отмечу во всех календарях красным и обязуюсь покупать в этот день бутылку вина, хотя в принципе не пью. Но повод есть...

Как все люди, которым по утрам некуда торопиться, едва открыв глаза, я беру телефон и проверяю почту и сообщения в разных соцсетях.

Вот и это утро ничем не отличалось от всех прежних – нашарив на тумбочке у кровати свой смартфон, я привычно защелкала пальцами по экрану.

Ничего важного в моей почте быть не могло – я давно не работаю, друзей, кроме Стаси, у меня нет, и вся почта, что может оказаться в моем ящике, это сообщения из интернет-магазинов или короткие записки от мамы, больше похожие на приказы или отповеди – в зависимости от настроения

родительницы.

Сегодня же я ждала оповещение от службы доставки, должна была прийти посылка из зарубежного магазина. И такое письмо было, но его содержимое меня сперва удивило, потом насторожило, а после и вовсе повергло в ступорозное состояние.

«Сообщаем вам, что таможенное оформление вашего заказа не может быть завершено. Основание – истек срок действия паспорта».

Я перечитала эти два предложения раз двадцать, но так и не могла понять, что случилось. Как может внезапно истечь срок действия паспорта, это ведь не стакан йогурта?

Бросив взгляд на часы, я принялась расталкивать спящего рядом мужа:

– Захар, проснись! Проснись, это важно!

Захар что-то недовольно пробормотал и сунул голову под подушку – ранние подъемы в нашей семье в чести не были, мы привыкли поздно ложиться и так же поздно вставать.

Стася, бывая у нас, всегда шутила:

«А что от вас хотите в пятнадцать часов утра?»

Но что поделаешь – Захар человек творческий, писатель, радиоведущий, а с недавних пор еще и политический деятель, вся работа у него в основном вечером, и книги он пишет исключительно по ночам, и планы передач составляет.

Ну, и я с ним за компанию тоже допоздна не сплю.

– Захар! Ну, Захар же! – я изо всех сил трясла мужа за

плечи, пытаюсь заставить его проснуться, но тщетно.

Накануне он выпил за ужином почти бутылку вина и теперь, конечно, никак не хотел расставаться с подушкой.

– Лавров, немедленно проснись, иначе я... я... – задохнувшись от злости, я стукнула ладонью по выглядывавшему из-под одеяла плечу мужа, и тот взвыл:

– Настя! Ну, ты с ума сошла, что ли? Больно ведь! Захар сел, потирая ушибленное плечо, и заморгал, пытаюсь проснуться.

Вид спросонья у него всегда был очень потешный, и в другое время я бы засмеялась и чмокнула мужа в небритую помятую щеку со следами от подушки, но сегодня мне было не до нежностей:

– Захар, вот скажи – в каком случае может истечь срок действия паспорта?

– погоди... – Захар зевнул, протер глаза и совершенно трезвым голосом сказал: – Если исполнилось двадцать или сорок пять лет.

– Отпадает. А еще?

– Если вышла замуж или развелась со сменой фамилии.

– И все?

– Кажется, все. А что за вопрос и почему он не мог подождать еще пару часиков?

– И это тоже не подходит, – пробормотала я, проигнорировав вопрос мужа. – Разве что я впала в кому, вышла попутно замуж и снова развелась, сменив фамилию.

– Настя, в чем дело, наконец? Ты будишь меня в такую рань в день эфира, задаешь какие-то странные вопросы... что случилось?

Ах, черт, как я забыла про эфир... Сегодня... это ведь сегодня, пятница же.

Захар вел историческую программу на одной из популярных радиостанций, выходил в эфир дважды в неделю и относился к этому очень серьезно.

Ну разумеется, ему просто необходимо было выспаться в день эфира, так как говорить по бумажке Захар не умел, а план составлял только для того, чтобы иметь возможность не путать даты.

– Так ты объяснишь мне или нет? – проявил удивительную настойчивость мой муж, и я вкратце рассказала ему о полученном письме.

Захар пожал плечами и проговорил:

– А не мог это быть какой-нибудь сбой?

– Не знаю, вероятно, мог бы. Но как узнать? И что делать, к кому обращаться? Там в посылке были кое-какие препараты для мамы, она оплачена уже, вернуть деньги будет очень сложно.

– Ну, попробуй в службу доставки позвонить... Не знаю, что еще можно сделать.

Собственно, и этот совет от Захара был уже чем-то сверхъестественным – мой муж совершенно бесполезен в этом плане.

Творческая личность, что с него взять...

В службу доставки я позвонила, но там со мной отказались разговаривать, мотивируя это тем, что проблемы возникли не у них, а у таможенников, потому никакой информации, кроме той, что изложена в письме, дать не могут.

Положив трубку, я слегка запаниковала.

Самым основным в посылке были препараты для мамы, и, если я не смогу их забрать, будет грандиозный скандал.

Моя мама женщина энергичная, хотя и не очень здоровая, а устраивать скандалы – ее хобби. Она считает мой образ жизни недопустимым, уверена, что в отсутствии работы я виновата только сама, и объяснять ей про кризис в той области, где я когда-то работала, нет никакого смысла – она ни за что не поверит.

В свое время я из заместителя главного редактора глянцевого журнала превратилась сперва в руководителя пресс-службы мэрии, а потом и вовсе ушла на «вольные хлеба», став имиджмейкером.

Несколько лет все было отлично, а потом грянул кризис, и работа моя приказала долго жить.

Бывшие коллеги, коих единицы, между прочим, все работают, где придется – кто молоком торгует, кто овощами. Никому не нужны имиджмейкеры, вот и перебиваются чем могут.

Не повезло только мне – работу я больше так и не нашла, причем никакую, хорошо еще, что Захар зарабатывает до-

статочно, чтобы я не чувствовала себя никчемной.

Взамен муж, кстати, ничего не требует, даже того, чтобы я трижды в день готовила разные блюда, раз уж сижу дома – готовит он с удовольствием сам, когда выпадает свободная минутка, а в остальное время ест то, что я поставлю перед ним на стол.

Захар неприхотлив, ему вообще мало что нужно – лишь бы я была рядом.

«Мне кажется, если однажды ты исчезнешь, Лавров ляжет на диван и умрет», – сказала однажды Стася, впрочем, безо всякого сарказма или издевки – Захара она любит, относится к нему как к родному, что, кстати, у них взаимно.

Когда Стася прилетает из своей Сибири к нам, в доме появляется человек, заменяющий меня по вечерам в застольных монологах моего мужа.

Захар очень любит поговорить, и ему обязательно нужен слушатель, который может ничего не говорить, главное – чтобы заинтересованно внимал, а Стася, ко всему, может еще и поддержать его разговоры, за что, собственно, Захар испытывает к ней дополнительные эмоции.

Они могут засидеться до самого утра под бутылочку вина и сигареты, и Захар будет вещать, а Стася слушать, забравшись с ногами на стул и подперев кулаком щеку.

Станислава – журналист, работает в одном сибирском издании, пишет на криминальные темы и раз в два-три месяца бывает в нашем городе, где сотрудничает с одним телекана-

лом.

Но что же мне теперь делать с посылкой?

Впереди выходные, и все государственные учреждения не работают, а значит, этот вопрос придется отложить до понедельника.

Обидно – могла бы сегодня уже отвезти все маме и обрести покой на все выходные. А теперь придется минимум трижды в день выслушать, какая я плохая дочь и как ничем не могу помочь своей матери.

Ну да ладно – переживу, не впервой.

– Настя! – раздался из кухни голос мужа. – Ты мой блокнот не видела?

– Какой? Синий? Он в твоём кабинете у компьютера.

«Кабинетом» в нашей двухкомнатной квартире гордо именовался угол, огороженный столом и креслом, где Захар работал. Он проводил там большую часть того времени, что бывал дома и не спал – писал книгу, готовил материалы для радиопередач, вел блог в интернете.

Там же на столе высились кипы блокнотов, книг, журналов и газет, и все это на первый взгляд было просто хаотично набросано, но нет – у Захара была своя логика в раскладке, и я никогда не прикасалась к его столу.

Это, пожалуй, единственное место в квартире, к которому я не прикладываю рук во время уборки, потому что потом муж не может найти какую-то книгу, лежавшую именно так, чтобы он мог взяться за нее мгновенно и не отрывая взгляда

от монитора.

А синий блокнот всегда лежит справа от клавиатуры.

Захар его берет с собой на радио, а потом снова возвращается на то же самое место.

– Нашел, – муж вошел в спальню с блокнотом в руках. – Сделал вчера в метро пару набросков для книги, хочу перечитать.

– Ты не будешь бриться? – оценив трехдневную щетину на лице мужа, старившую и категорически не шедшую ему, спросила я.

– Не хочу, – буркнул Захар, присев на край кровати и уткнувшись в свои записи.

Этим своим «не хочу» он напоминал упрямого ребенка – если уж заявил, что не будет чего-то делать, то бесполезно настаивать, он только рассердится, надуется и замолчит обиженно.

Захар, при всей своей интеллектуальности, эрудиции и остром уме, к собственной внешности был совершенно равнодушен, ему неважно было, во что и как он одет, выбрит или нет, начищены его ботинки или так и покрыты слоем пыли, выглажены ли брюки, подходит ли рубашка к свитеру.

Рассеянный, он мог натянуть мою куртку, удивляясь, почему она вдруг стала маловата в плечах и груди, и выйти в таком виде из квартиры.

Мне приходилось зорко следить за всем этим, чтобы муж имел пристойный вид и не производил на людей впечатления

заброшенного и неухоженного холостяка.

Я же начала прикидывать свой распорядок дня на сегодня.

Ничего нового не планировалось – уборка, загрузить стиральную машину, пойти в магазин, на почту и в банк, забрать из химчистки вещи. Обычные дела, которые я делаю ежедневно.

Моя жизнь скучная и однообразная, в ней никогда ничего происходит, и можно с уверенностью сказать, чем я буду занята, например, в шестнадцать часов тридцать две минуты седьмого августа две тысячи какого-то там года.

Скучная жизнь домохозяйки без собственных интересов, увлечений и желаний.

Я уже давно перестала ощущать себя человеком, личностью.

У меня нет подруг, потому что с ними надо о чем-то говорить, чем-то делиться, а у меня ничего нет.

Правда, в последнее время появился один персонаж, но об этом я предпочитаю никому не говорить. Общаюсь я только со Стасей, потому что считаю ее близким человеком, родной, а вовсе не подругой.

Но иногда категоричная и бескомпромиссная Стаська начинает говорить мне в глаза все, что думает, и это довольно обидно.

Правда, я тоже не остаюсь в долгу, и мы квиты, снова можем общаться, словно бы спустили пар и освободили место для новых впечатлений.

Надо бы, кстати, ей позвонить – Стася неплохо разбирается в криминальных темах, вдруг что-то дельное посоветует.

Подруга удивительно долго не брала трубку, а когда ответила, я еле узнала ее. Никогда прежде моя Стася не разговаривала сирым, словно пропитым и прокуреным голосом.

– Что это с тобой? – удивилась я.

– Классно звучу, да? – просипела Стася. – Петь, похоже, никогда уже не смогу, прощай, мечта о сцене.

– Да ты и не пела никогда. Что случилось-то?

– Не возражаешь, если я расскажу тебе об этом при встрече? – уклонилась она, а я вычленила из этого ответа только одно – Стася собирается ехать к нам.

Сообщение меня обрадовало – мне хотя бы будет с кем поговорить и по магазинам пробежаться. Можем, кстати, и в театр выбраться, хоть Стася и не особо его жалует.

– Когда летишь?

– Сегодня ночью, – огорошила меня подруга. – Если успею. Все, Настюша, мне пора, – и в трубке раздались гудки.

Я даже не успела понять, почему она так быстро свернула разговор, почему бросила трубку. Что за спешка?

Обычно о своих приездах Стася предупреждала примерно за месяц, да и жить предпочитала в гостиницах.

Кстати, а где она сейчас-то собралась остановиться? Этот вопрос требовал немедленного выяснения, и я снова набрала номер подруги.

– Стася, это я опять. Быстро скажи – ты у нас?

– На три дня, если можно. Если нет – скажи, я решу, пока еще есть время.

– С ума сошла?! Решит она! Даже не думай! Я тебя на машине встречу, и не возражай. Все, целую, увидимся, – и я скоренько отключила телефон, чтобы не дать подруге опомниться и отказаться от моих услуг.

Я сползла с кровати и вышла в кухню.

Захар успел сварить кофе, выкурить пару сигарет и снова вернулся к работе.

Я поставила на плиту кастрюльку для овсянки, но потом передумала – съем молочную кашу, потом захочу бутерброд с белым хлебом, потом булочку с вареньем – и опять понесется зажор на весь день.

Уже много лет я с переменным успехом боролась с лишним весом, и в текущем раунде он опять одерживал верх, потому лучше предпринять решительный ход и устроить разгрузочный день.

– Стася прилетает ночью, – сказала я, войдя в комнату к Захару.

– Угу, – отозвался тот, не отрывая взгляда от монитора.

Я была почти уверена, что он даже не услышал сказанного мной, но решила проверить:

– Захар, я тебе изменила.

– Молодец, – пробормотал он.

– Я от тебя ухожу.

– Долго не задерживайся и куртку надень, там, кажется,

ветер, – посоветовал супруг, и я захохотала:

– Лавров, ты идеальный.

Чмокнув мужа в макушку, я оставила его в покое и занялась уборкой в спальне.

История с паспортом как-то сама собой отошла на второй план, и я даже забыла о посылке, которую нужно будет забирать через неделю. Да и подготовиться к встрече подруги тоже не помешает – в магазин, например, сбегать, пока есть время.

Станислава

Летать я люблю.

Наверное, могла бы работать стюардессой, настолько меня захватывает все, что связано с небом и самолетами, но, увы, занесло в журналистику.

Я наслаждаюсь каждой секундой, проведенной на борту, совершенно не испытываю страха или аэрофобии, наоборот – так комфортно и спокойно мне бывает только в небе.

По статистике, самолет – куда более безопасный вид транспорта, чем тот же автомобиль, хотя люди почему-то этого не осознают.

Но сегодня все шло не так.

Сперва я долго не могла найти собственный паспорт, перерыла всю квартиру, с трудом сдерживая истерику, пока, наконец, не обнаружила его почему-то в холодильнике на самой верхней полке.

Вот как, каким образом он мог туда попасть?

У меня нет маленьких детей, у меня даже мужа нет – а подобные казусы случаются регулярно. Наверное, я слишком рассеянная...

Потом куда-то запропастилось зарядное устройство от ноутбука, а без него я из дома не выхожу.

Ну, почему именно в тот день, когда мне вообще нельзя терять ни секунды, случается такая ерунда?!

У меня начали мелко дрожать руки – верный признак надвигающейся истерики. Ни выкуренная сигарета, ни тридцать капель настойки пустырника не помогли – зарядное не находилось, а руки тряслись все сильнее.

Нет, так дело не пойдет. Если я немедленно не успокоюсь, весь мой план полетит к чертям, а подобного допустить просто нельзя.

Мысль об этом немного привела меня в чувство, и в раскрытое чрево чемодана, на самое дно, легла пластиковая папка, плотно набитая листами и перетянутая скотчем.

Это, с одной стороны, моя смерть, а с другой – билет в полную безопасность. И неизвестно, как все повернется. Но сперва надо отсюда улететь.

Повинуясь какому-то шестому чувству, я подошла к кухонному окну и, не отодвигая шторы, посмотрела во двор.

Шел дождь, людей на улице почти не было – рабочий день, а машины на парковке стояли сплошь наши, дворовые.

Я перевела дух – видимо, пока меня не ищут, отлично. Но надо поскорее собираться и уматывать из квартиры на всякий случай. Лучше в аэропорту пересажу.

Мобильный на столе завибрировал, экран засветился, демонстрируя фотографию звонившего – Глеб Щегловский.

Нет, только не он, только не теперь... если я услышу его голос, то непременно сломаюсь, я никогда не могла противостоять ему, а сейчас у меня нет возможности делать выбор или отменять то, что я задумала. Иначе Глеб увидит меня

только на моих похоронах – если там еще будет, что похоронить.

Зарядное устройство, к счастью, нашлось – лежало под чемоданом, когда и как я его туда сунула, даже не помню. Вещей много брать не стала – нет смысла, только самое необходимое.

Хорошо, что лето, не придется тащить теплые вещи, вполне можно обойтись шерстяным кардиганом и кожаной курткой. Деньги у меня есть, если что – куплю все там, на месте. Только бы добраться.

Ключи от квартиры я бросила в почтовый ящик – если что, мама сможет их оттуда взять, у нее есть ключик. Даже позвонить ей я не могу, чтобы не навлечь еще и на ее голову неприятностей, ей и бабули хватает.

Ничего, когда все утрясется, я смогу забрать их отсюда.

Такси ждало меня именно там, где я попросила – в квартале от дома, я преодолела это расстояние почти бегом, волоча за собой чемодан и пытаясь одновременно удержать в руке зонт и не уронить с плеча ремень дорожного саквояжа.

Наверное, надо было папку все-таки не в чемодан совать, но почему-то этот вариант показался мне более надежным.

Плюхнувшись на заднее сиденье, я автоматически посмотрела на экран телефона, чтобы запомнить имя водителя, но вспомнила, что вызывала машину не с основного номера, а с сим-карты, купленной у метро в Москве без всяких

документов – это было удобно, невозможно отследить.

Второй телефон лежал на дне саквояжа, да и черт с ним, с водителем – обычный таксист, ничего особенного. Вряд ли за мной уже охотятся так плотно, чтобы подставного водителя присылать.

До начала регистрации оставалось еще два часа, и это довольно непродолжительное в обычных условиях время сейчас очень меня пугало. Надо забиться в какой-то угол и тихо переждать, а потом быстро нырнуть в накопитель.

Аэропорт у нас довольно большой, много кафе и магазинчиков, сейчас что-нибудь придумаю. В наружном кармане саквояжа завибрировал мобильный – я специально отключила звук, чтобы не вздрагивать и не привлекать этим ненужного внимания.

Хотя... по большому счету, кому какое дело до нервно дергающейся дамочки? Может, она летать боится.

Снова звонил Глеб.

Я долго смотрела на экран телефона, словно старалась запомнить черты лица человека, с которым – в этом я была уверена абсолютно – мы больше никогда не увидимся.

Так уж сложилось, и вовсе не я в этом виновата.

Когда вибрация прекратилась, а экран погас, я вздохнула и убрала телефон обратно в карман саквояжа, крепко ухватилась за выдвинутую ручку чемодана и пошла по направлению к самому дальнему кафе.

Устроившись за столиком в углу, я взяла кофейную кар-

ту и безо всякого интереса пробежала глазами по названиям напитков. Остановив выбор на раф-кофе с можжевельным сиропом, я сделала знак официантке.

Подошедшая к столику девушка как-то слишком пристально на меня посмотрела – или мне так показалось?

Елки-палки, я так действительно с ума сойду раньше времени...

Принесенный официанткой напиток имел горьковатый привкус, я было отставила его, опасаясь отравиться, и вот тут наконец-то окончательно разозлилась на себя.

Какой смысл был ввязываться в такую авантюру, если нервы ни к черту? Как я смогу довести дело до конца, если пугаюсь каждого куста, как та пресловутая ворона из поговорки?

Прекрати, Стася, немедленно, иначе ничего у тебя не выйдет, и все труды пропадут зря!

Повторяя эти слова, как мантру, я заставила себя выпить кофе и достать из саквояжа книжку, чтобы скоротать оставшееся до начала регистрации время.

В очереди у стойки я оказалась первой, сдала чемодан, забрала посадочный талон и почти бегом направилась в зону предполетного досмотра.

Там оказалось малоллюдно – ночных рейсов всего два.

Я старалась не озираться по сторонам, хотя сделать это было довольно сложно – внутри все тряслось от напряжения. Но вот все формальности позади, за мной бесшумно закрылись раздвижные двери, и я оказалась в накопителе.

Еще несколько часов – и все, я навсегда улечу из этого города. Все равно жизни мне здесь не дадут – после всего.

Жаль, конечно, я столько лет тут прожила, родилась здесь, здесь остаются мама и бабуля...

Но мне тут больше места нет. И я сама это сотворила, своими собственными руками. Не на кого обижаться.

И только оказавшись на борту самолета, я смогла окончательно расслабиться, а когда он поднялся в воздух, укутаться пледом и уснуть.

Аделина

Выезжая с парковки у дома, я поймала себя на том, что не могу сосредоточиться на поездке.

Как будто со стороны себя вижу – вот сижу за рулем, на мне бежевый льняной костюм, балетки для удобства вождения, очки с затемненными стеклами. На безымянном пальце правой руки, лежащей на руле, поблескивает обручальное кольцо, которое надо было вообще-то снять и оставить дома, чтобы не убирать в сейф на работе – в операционную с кольцами не ходят.

Но я не смогла найти в себе сил расстаться с ним, хотя, вот честно, замужество никогда не было для меня самоцелью, а уж такие подтверждения статуса, как штамп в паспорте и обручальное кольцо – тем более.

И потом – с чего я решила, что непременно придется идти в операционную?

В моей клинике бывали случаи, не требующие немедленного оперативного вмешательства, зато с обязательным консультированием ведущим хирургом, а это все еще я.

И настроение у меня сегодня вообще не рабочее – я вон и машину с трудом веду, плетусь в крайнем правом ряду, как только что севшая за руль выпускница автошколы.

Я уже давно не водила машину в самый разгар рабочего дня, обычно приезжала в клинику рано утром и успевала из-

бежать пробок, но сегодня во всей красе ощутила, что это такое.

Вереница машин тянулась бесконечно медленно, как люди выдерживают это ежедневно – не понимаю...

Зазвонил укрепленный на панели телефон, я нажала кнопку ответа и включила динамик.

– Деля, привет! – заполнил салон машины голос моей подруги Оксаны.

– Ты где? Вы вернулись уже?

Оксанка отлично знала, что мы вернулись, звонила мне как раз в последний день нашего отпуска, но то ли, по обыкновению, забыла об этом, то ли просто использовала это как предлог для звонка.

А вот это хуже – значит, ей что-то от меня нужно.

С тех пор, как они с Севой оформили развод и разъехались, Оксанка находилась в перманентном поиске очередного мужа, а в нашем возрасте это уже не так просто. Мозги не те...

– Да, я на работу еду.

– На работу? Я думала, у тебя медовый месяц.

– Он закончился.

– Ты, Драгун, никогда не научишься наслаждаться жизнью, – фыркнула моя подруга. – Вышла замуж, и снова на работу – ну кто так делает?

– А должна была немедленно уволиться, и пусть муж кормит?

– Не передергивай, я так не сказала. Просто могла бы дома чуть подольше посидеть, вдвоем бы побыли, молодожены все-таки.

– Нам ничего не мешает побыть вдвоем и после работы. Ты по делу или так, поболтать?

– По делу. Мне нужна твоя консультация, раз уж ты на работу едешь.

О, а вот это даже хуже, чем очередной кандидат в мужья...

Я никак не могла вбить в голову своей подруги мысль о том, что никаких процедур в моей клинике делать ей не будут – у меня такой принцип, я не перекраиваю лица своих близких.

Кроме того, у Оксаны имелась опасная тенденция к увлечению разного рода косметическими процедурами, и я не хотела быть к этому причастной.

Однако она ухитрилась найти какие-то клиники с полупрепаратами, и однажды ее лицо здорово перекопилось после инъекций, и мне пришлось устранять дефекты.

С тех пор страсть Оксаны к разным «уколам красоты» немного поутихла, и вот опять она звонит мне с тем же вопросом.

– Что-то случилось?

– Нет, я хотела с тобой посоветоваться. Ну, или с кем-то из твоих врачей, раз уж ты принципиально не хочешь видеть меня своей клиенткой.

– Хорошо, приезжай, посмотрим, – сдалась я, понимая,

что все равно мне придется это сказать и сделать, просто после длинных Оксанкиных тирад о том, что я не хочу понять, как ей сложно одной, и как ей необходимы какие-то изменения, чтобы снова выйти замуж. Так что я благоразумно избавила себя от хорошо знакомых аргументов.

– Тогда я через часик выскочу, – щебетнула довольная Оксана и отключилась.

«Через часик» в ее понимании было понятием весьма растяжимым – склонность к опозданиям в моей подруге не удалось истребить ни школе, ни университету, ни работе, которой сейчас у нее снова не было.

Три месяца назад, не выдержав упреков матери, с которой она теперь вынуждена была жить, Оксана устроилась в какую-то фирму, оказывавшую посреднические услуги в сфере недвижимости.

Но все, как обычно, пошло не по плану. Вернее, не по Оксанкиному плану.

Мгновенно оценив ситуацию, моя подруга ухитрилась завести романы сразу с двумя начальниками – рангом повыше и рангом пониже, понадеявшись, что кто-то из них поможет ей остаться в фирме, но нет.

Ее мгновенно «слили» после окончания испытательного срока, здраво рассудив, что ее должность фирме просто не нужна, а работу до Оксаны делали две девочки, не получая за это ничего дополнительно.

Так зачем, как говорится, платить больше?

И Оксанка снова осталась не у дел.

Романы, кстати, тоже мгновенно закончились – никто из избранных не собирался брать на себя ответственность за Оксанку, требовавшую к себе повышенного внимания и пытавшуюся влезть везде, где ее не ждали.

Сейчас она снова находилась в поисках работы и, разумеется, очередного кандидата в мужья. И то, и другое оказалось не так уж и просто.

Оставив машину на парковке для врачей, я сразу направилась в административный корпус, где располагался и мой кабинет, и ординаторская.

Это было мое царство, моя жизнь, мое все.

Я вложила в это место столько сил, времени и труда, что даже теперь удивлялась, как вообще смогла осилить подобное мероприятие. Но я всю жизнь стремилась именно к этому – к собственной клинике пластической хирургии, где будут проводиться самые современные операции, самые сложные, требующие от врачей отточенных навыков и виртуозного владения своей профессией.

И вот я добилась этого – попасть в мою клинику непросто, мы не оперируем без разбора, мы проводим бесплатные операции детям, именно к нам отправляют из городских больниц после тяжелых лицевых травм, именно мои хирурги восстанавливают людям лица в особенно тяжелых ситуациях.

Да, безусловно, мы проводим и косметические операции,

но это никогда не являлось для клиники приоритетным направлением, и я позволяю врачам самим решать, браться ли за переделку и без того нормального носа очередной скучающей дамочки или отказать ей.

Именно для этого в штате у меня хороший психолог, а для окончательного решения всегда приезжает на консультацию психиатр. Кстати, о психологе...

После гибели Евгения Михайловича, работавшего в клинике со дня ее основания, я с большим трудом нашла ему замену. Как-то сложилось, что врачебный коллектив в клинике мужской, и это вовсе никак не связано с моими комплексами – мол, незамужняя начальница предпочитает не видеть вокруг себя более удачливых товарок. Просто с мужчинами мне легче работать. И, как назло, на собеседование на должность психолога шли сплошь молодые девушки, едва окончившие институты, большей частью даже не профильные.

Это меня страшно возмущало – я искренне считаю, что клинический психолог должен иметь медицинское образование, а не диплом психологического факультета заборостроительного института.

Это сильно усложняло мне выбор, но я упрямо стояла на своем, и, в конце концов, пришел тот, кто, по моим представлениям, абсолютно соответствовал требованиям.

Молодой мужчина лет тридцати в белой рубашке и серых брюках перешагнул порог моего кабинета как раз за две недели до моей свадьбы.

– Иван Владимирович Иващенко, клинический психолог, – представился он, слегка склонив голову к левому плечу.

– Присаживайтесь, – пригласила я, жестом указав ему кресло.

– Окончил местный медицинский, – продолжал кандидат, опустившись в кресло и положив перед собой на стол довольно потрепанный портфель, каких, как мне казалось, уже давно никто не носит. – Потом факультет клинической психологии в Москве. Практиковал несколько лет там, потом вернулся.

– И что же побудило вас бросить карьеру в столице?

– Жизненные обстоятельства, – коротко ответил психолог, а от меня не укрылся жест, которым он коснулся лежавшего перед ним портфеля.

В новом соискателе меня привлекло что-то в манере держаться, говорить и смотреть, да и общее впечатление, как, собственно, и наличие специального образования, тоже говорили в его пользу, и я предложила Иващенко стандартный испытательный срок.

Он согласился, и Алла, мой референт, повела его по традиции на экскурсию, а когда вернулась, сообщила, что в общении кандидат прост, обаятелен и понравился сотрудникам.

Это было важно – психологическая обстановка в коллективе, ежедневно выполняющем сложные манипуляции, от

которых зависит человеческая жизнь, должна быть благоприятной.

Словом, Иващенко остался, и сегодня я собиралась расспросить о впечатлениях о его работе всех своих врачей.

Как по волшебству, первым, кого я увидела, толкнув дверь ординаторской, оказался именно психолог.

– Доброе утро, Иван Владимирович.

– Доброе утро, Аделина Эдуардовна, – чуть удивленно отозвался он. – А я думал, вы еще в отпуске.

– Видимо, уже нет. Ну, как вы тут, привыкаете?

– Вам кофе налить? – вместо ответа спросил Иващенко.

– Нет, спасибо, я не очень люблю кофе из кофемашины.

Так вы не ответили, – напомнила я, усаживаясь за стол, где раньше всегда сидел Матвей.

– Мне здесь нравится, – коротко отрапортовал психолог. – Только, кажется, у вас не принято, чтобы психолог покидал свой кабинет.

– В каком смысле?

– Коллеги немного напрягаются, когда я в ординаторскую вхожу. Вы не подумайте только, что я жалуясь.

– Ну, мы ведь не в песочнице, а я не строгий воспитатель. Возможно, коллеги просто еще не привыкли. Ваш предшественник прекрасно проводил время, свободное от пациентов, в ординаторской. Думаю, со временем все образуется. А как объем работы? Вас устраивает?

– Мне пока немного сложно, все-таки есть специфика, –

оживился Иващенко. – Но это интересно. Попадаются сложные люди, я такое люблю. Знаете, как с головоломками – чем труднее задачка, тем интереснее ее решать и тем приятнее победа.

– Я бы не советовала вам относиться к людям как к шардам.

– Нет, вы не поняли... – зашпешил психолог, оставив кружку с кофе. – Я в том смысле...

– Да все я поняла, Иван Владимирович, не волнуйтесь так, – перебила я с улыбкой. – У меня еще будет время оценить методику вашей работы и ее результаты, раз уж отпуск мой закончился.

Наш диалог был прерван появившимся на пороге Васильковым.

Вячеслав Андреевич с ходу обнял меня, не смущаясь присутствием психолога, чмокнул в макушку:

– Отлично выглядите, Аделина Эдуардовна. Не смотрите так, молодой человек, – это относилось уже к Иващенко. – Мы с нашей начальницей знакомы буквально с ее младенчества.

– Ну, это вы преувеличиваете, – улыбнулась я. – А вот лет с двенадцати – точно.

– Все равно – возраст почти бессознательный. Как отпуск?

– Да какой тут отпуск, если меня почти сразу на работу выдернули? Только-только прилетела, думала немного в себя прийти после островов, а тут...

Васильков удивленно посмотрел на меня, сняв очки:

– Слышу новые нотки в голосе. Определенно, кого-то за мужество сделало практически нормальной женщиной, а?

– А если без фамильярностей?

– Да разве ж это фамильярности? Удивился просто. Раньше вы таких фраз не произносили, дорогая Аделина Эдуардовна.

– Взрослею, – коротко объявила я, и по тону Васильков понял, что дальше продолжать не стоит. Он действительно хорошо знал меня лет с двенадцати, когда ухаживал за моей мамой. – Так какова все-таки причина моего внезапного возвращения на работу?

– Дело вот в чем, – усаживаясь за стол напротив меня, начал Васильков. – На днях мне позвонил знакомый и попросил устроить консультацию.

– И что – в таком простом вопросе вам понадобилась я?

– Погодите... – Васильков выразительно посмотрел в сторону отвернувшегося к окну психолога, и я поняла, что разговор не предназначен для третьего человека.

– Иван Владимирович, вы не могли бы оставить нас ненадолго? – попросила я, и психолог, кивнув, молча вышел. – Станный он какой-то, ты не находишь, дядя Слава?

– Нахожу. Но давай о психологе потом. Так вот. Знакомый мой попросил проконсультировать женщину. – Васильков выдержал паузу и, перейдя на «ты», как делал всегда, если мы оставались наедине, продолжил: – А тебя я вызвал

потому, что речь идет о довольно кардинальных изменениях во внешности. То есть после всех вмешательств клиентка изменится практически до неузнаваемости, понимаешь? И мне кажется, что там есть какой-то криминал.

– С чего ты взял? – я подошла к окну, открыла его и вынула из пачки сигарету.

– Я, как водится, попросил фотографии. Там совершенно нормальная внешность, я бы даже сказал – женщина с изюминкой, красивая, ни единого изъяна, даже если с циркулем сидеть. Следовательно, изменения во внешности ей необходимы для чего-то другого.

– И ты решил не брать на себя такую ответственность, а переложить ее на мои плечи, да? – насмешливо спросила я, выпуская дым в окно.

– Я решил, что ты, как глава клиники, должна сама взглянуть и решить, берется клиника за такое или нет.

– Ты озвучил своему знакомому сумму, которую придется выложить за серию подобных операций?

– Конечно. Он, кажется, даже не удивился.

– Действительно, странно, – протянула я. – Но давай сделаем так. Пусть он привозит эту женщину завтра часам к десяти, я ее посмотрю, поговорю с ней, подключу психолога – кстати, и его заодно проверю в работе – и подумаю, стоит ли связываться.

– Хорошо, – кивнул Васильков. – Проконсультируешь и сможешь догулять отпуск.

– Ты прекрасно знаешь, что я никогда не переваливаю свою работу на кого-то. И если решу взять эту пациентку, то оперировать и вести ее буду тоже сама.

– Нет, ничего в тебе замужество не изменило, – с какой-то почти отеческой улыбкой покачал головой Васильков. – Но так, наверное, и лучше.

– Поживем – увидим.

– Как, кстати, новоиспеченный супруг?

– Пока держится, – рассмеялась я.

– Не надумал к нам вернуться?

– Не хочет. Сказал – консультировать могу, но к столу больше не встану.

– Это жаль, хороший ведь хирург, талантливый.

– Я решила не вмешиваться и не настаивать. Пусть пока на кафедре посидит, надеюсь, ему там быстро надоест, и он еще передумает.

– Да, правильно, не дави на него. Матвей взрослый мужик, сам разберется. Но все-таки жаль, что он решил практику оставить, ему, как говорится, дано.

Я нахмурилась.

Васильков в точности повторил вслух то, о чем я думала все это время.

Мне даже представить было сложно, как человек, много лет посвятивший хирургии и достигший там определенных высот, сможет жить без этого, уйдет в преподавание, в теорию. Но Матвей так решил, возможно, он чувствует, что для

него в нынешний момент так будет лучше. И уж я-то точно не имею права вмешиваться и как-то влиять на его решение.

Анастасия

Я давно никуда не ездила ночью. Вернее, не сидела за рулем в такое время суток.

Захар настаивал, чтобы я взяла такси, но мне почему-то захотелось поехать на своей машине.

Это, кстати, даст нам со Стасей возможность заехать в какое-нибудь круглосуточное заведение, я выпью кофе, а Стася – пару рюмок коньяка, как делала это всякий раз, приезжая сюда.

Мы обязательно заезжали в кафе, и она заказывала коньяк и какую-нибудь мясную нарезку, говоря, что нормальные люди не закусывают коньяк лимоном, как принято думать.

Я наблюдала за ее свободными движениями, за изящной пластикой рук, за тем, как она чуть откидывает назад голову, делая большой глоток из снифтера – никогда не забывала уточнить официанту, что напиток подают именно в нем, а не в жлобской рюмке, – и втайне восхищалась тем, что внутри себя Стася абсолютно свободна.

У нее нет комплексов, она не страдает от недостатка внимания, она не боится одиночества. Она вообще другая, совершенно не такая, как я, и где-то глубоко в душе я ей завидовала.

Думаю, мало кто из женщин мог бы понять корни моей

зависти – Стася не была замужем, у нее не было детей, она постоянно и очень много работала, но при этом выглядела абсолютно счастливой.

У нее было все, чего не было у меня – свобода и собственные деньги.

Ну, и внимание тех мужчин, о которых я всегда мечтала, но никогда не вызывала у них ответного интереса.

Вокруг Стаськи же постоянно крутились два-три обожателя, мечтавших затащить непокорную и свободолюбивую Станиславу в ЗАГС. Она ловко уворачивалась от таких предложений, ухитряясь при этом не потерять отношений, что меня всегда приводило в бешенство.

Как можно разбрасываться предложениями выйти замуж, особенно когда тебе уже давно не восемнадцать?

Если бы мне предложил подобное один из тех мужчин, которые меня интересовали, я ушла бы от Захара, даже не раздумывая. Наш брак уже давно перерос в партнерские отношения, мы перестали интересоваться друг другом как мужчина и женщина, но не расходились.

Захара все устраивает так, как есть, а мне просто некуда идти, да и возможности нет – на что я буду жить?

Резкий звук автомобильного сигнала заставил меня забрать рулем вправо и почти съехать на обочину – мимо промчался какой-то смертник, которого не устроила моя скорость.

Надо бы повнимательнее, не хватало еще разбиться.

Она вышла из зоны прилета, и я едва узнала подругу, которую видела буквально пару месяцев назад. Она словно бы стала меньше ростом, и даже высокие каблуки туфель не исправляли этого. На лице – ни намека на макияж, рыжие волосы скручены в пучок на затылке, хотя Стася никогда не признавала такую прическу, предпочитая носить волосы распущенными.

– Ну, привет, что ли, – просипела она все тем же странным голосом и обняла меня.

– Господи, что с тобой случилось? Ты здорова? – отстраняя ее от себя, чтобы рассмотреть лучше, спросила я.

– Пока да. И чем скорее мы уберемся из аэропорта, тем дольше я буду здорова, – процедила подруга, странно оглядываясь вокруг. – Ты на такси?

– Нет, я на своей.

– О, черт... – пробормотала Стася, берясь за ручку небольшого чемодана. – Возьми сумку, а? – она протянула мне дорожный саквояж, с которым обычно летала, когда не хотела везти много вещей. – И пожалуйста, Настя, пойдём отсюда поскорее.

Она так рванула к выходу, что я, растерявшись, не сразу смогла ее догнать.

– Где машина? – спросила Стася, очутившись на улице.

– Ну на парковке, где ей быть-то? Ты можешь нормально объяснить, в чем дело?

– Ради твоей безопасности – нет, не могу.

Понятно – журналистка Станислава Казакова на задании...

– Что расследуешь на этот раз?

Стася резко остановилась, развернулась на каблучке туфли и схватила меня пальцами за молнию куртки:

– Настя, говорю в последний раз – не надо задавать мне никаких вопросов, пожалуйста. Когда будет возможность, я обязательно тебе все расскажу, но не сейчас, хорошо? – она требовательно заглянула мне в глаза, и я вдруг на секунду испугалась – так Стася никогда прежде со мной не разговаривала.

– Да, я поняла, прости... – пробормотала я, чувствуя себя каким-то лишним элементом, помехой – так бывало всякий раз, когда со мной начинали говорить на повышенных тонах.

Стася произнесла свою тираду тихо, но с такой злостью в голосе, что это сработало как крик.

Но ей, похоже, и самой с большим трудом давалось собственное поведение, потому что, выпустив из пальцев мою куртку, Стаська вытерла лоб ладонью и пробормотала:

– Сигареты закончились, черт...

– У меня есть в бардачке, я купила.

Стаська взглянула на меня с благодарностью:

– Спасибо. Настя, я тебя умоляю – не обижайся, так действительно сейчас надо. Я пока не могу объяснить.

– Не объясняй, раз не можешь, – вздохнула я, чувствуя, как нахлынувшая обида отпускает. – И садись уже в машину,

поедем.

Стаська, как слепая, ткнулась в крыло машины, сморщилась, потеряла ушибленное бедро и взялась за ручку.

– погоди, я открою, – я забренчала связкой ключей, пытаюсь найти кнопку на брелоке сигнализации, но Стаська вдруг отскочила:

– Она открыта!

– Кто? – не поняла я, с изумлением глядя на испуганное лицо подруги.

– Машина твоя! Она открыта, понимаешь?! Открыта!!! А ты еще и ключи достать не успела!

– Стася, Стася, да ты что, успокойся! – я обошла машину, крепко обняла Стаську и прижала к себе, чувствуя, как дрожит под моими ладонями ее спина. – Ну, я же могла забыть ее закрыть, ты ведь знаешь, как это бывает. Я же растеряха, ты ведь сама это говоришь и постоянно проверяешь, забрала ли я карту из банкомата и убрала ли кошелек в сумку. Ну кому нужна моя машина, скажи?

– Да при чем тут ты... – глухо пробормотала Стаська. – Я так надеялась, что успею...

Я понимала, что вести с ней сейчас любые разговоры бесполезно, а ее нервное состояние и вовсе меня напугало, поэтому, решительно открыв дверку машины, я почти затолкнула подругу в салон, пристегнула ремнем безопасности и сама быстро села за руль:

– Все, мы уезжаем отсюда. Ты в кафе-то хочешь? Или

спать?

Стаська молчала, съжившись на сиденье и опустив голову так низко, что я не видела ничего, кроме пучка волос на макушке и тонкой шеи, как-то беспомощно выглядывавшей из воротника куртки.

Чтобы как-то отвлечь ее от мыслей, я принялась рассказывать историю со своим паспортом.

– Я могу попробовать кое-что проверить через одного человека, но не сегодня, – сказала Стаська, дослушав до конца. – А ты не пробовала еще что-то с этим паспортом сделать? Ну, скажем, попытаться авиабилет купить?

– Зачем мне авиабилет?

– Если твой паспорт не действителен, на этапе заполнения данных тебе об этом напишут.

А ведь правда... Надо попробовать, может, дело действительно не в паспорте, а в том, что это на сайте интернет-магазина что-то засбоило.

– Так я не поняла, мы в кафе поедем с тобой или сразу домой, на диван?

– Пить не хочу, – просипела Стаська. – Может, просто чаю... заодно и попробуем проверить, можно ли с твоим паспортом что-то купить.

– Ты так и не расскажешь, что у тебя с голосом? – пристраиваясь за фурой в ожидании возможности обогнать ее, спросила я.

– Фониатр сказал – стрессовая реакция, пройдет со вре-

менем.

– Про стресс, понятное дело, тоже не расскажешь?

– Пока нет.

Она выпрямилась, приоткрыла окно, вынула из бардачка пачку сигарет, а из кармана куртки зажигалку, закурила. По салону распространился ментоловый аромат.

Я сама не курю, но когда при мне курит Стаська, получаю какое-то странное удовольствие, хотя в другое время табачный дым меня раздражает.

Захар курит много, но делает это исключительно в кухне, закрыв дверь и распахнув окно настежь в любую погоду, и только когда у нас гостит Стаська, ему тоже позволено курить там, где хочется.

– Захар половину книги закончил, – сказала я, чтобы сменить тему.

– Я знаю, – огорошила меня подруга. – Он мне писал.

Я удивленно скосила глаза в ее сторону.

Никогда бы не подумала, что мой муж и моя подруга ведут переписку, а я об этом не знаю. Но никакого криминала в этом я не усмотрела, если честно – Стаську ни при каких обстоятельствах не заинтересовал бы мой Захар как мужчина, а муж мой вообще женщин не замечал, выделяя, пожалуй, лишь Стаську, да и то потому, что считал ее практически равной себе по умственным возможностям.

Так что даже в порядке бреда я не представила бы себе их состоящими в любовной связи. Но ведь о чем-то они пере-

писываются... хотя, вполне возможно, что Стаська консультировалась по какому-то вопросу – ей часто требовались для статей какие-то комментарии, и она не раз обращалась за этим к Захару или его знакомым, если вопрос оказывался вне компетенции моего мужа.

Словно прочитав мои мысли, Стаська хмыкнула:

– Лаврова, а ведь любая нормальная баба на твоём месте уже бы в волосы мне вцепилась.

– А на твоём месте ни одна подруга не проговорила бы о существовании такой переписки, если бы там было, за что в волосы вцепляться, – парировала я весело.

– Ничья, – констатировала подруга, и я услышала, что настроение её слегка изменилось. – Давай заедем в то кафе, где в прошлый раз были, помнишь?

– Если оно не закрылось навечно.

Подобная ситуация частенько случалась с теми местами, которые мы со Стаськой облюбовывали для своих посиделок, просто злой рок. Стоило нам проникнуться любовью к какому-то месту, как оно прекращало существовать, как по мановению волшебной палочки.

Захар даже шутил, что мы можем неплохо зарабатывать, шантажируя хозяев разных заведений.

К счастью, с маленьким кафе под названием «Бриз» все оказалось в порядке – оно по-прежнему работало, и нам удалось уютно устроиться за столиком у большого окна. Несмотря на поздний час, народа было достаточно.

– Смотрю, у вас тут многим завтра не на службу, – хмыкнула Стаська, окидывая зал беглым, но цепким взглядом.

– Лето же.

– Жаль, курить тут нельзя.

– Можете на веранду пересесть, – предложила подошедшая официантка. – Там разрешается.

– Нет, спасибо, я потерплю, – поежилась Стаська, и от меня не укрылось, что она старается сидеть так, чтобы не отсвечивать в окне, а упоминание об открытой веранде заставило ее занервничать. – Сто пятьдесят коньяка, пожалуйста, – попросила она, хотя еще в аэропорту вроде как пить не собиралась.

– А мне латте с ореховым сиропом, – подала я голос.

– Больше ничего? – быстро набив заказ в планшете, спросила девушка, и, услышав отрицательный ответ, пожелала нам приятного вечера.

За нашим столиком воцарилась тишина.

Я исподтишка изучала Стаську, а она, похоже, не замечала этого, напряженно о чем-то думая. Ее высокий лоб перерезала морщина, брови собрались к переносице, а нижняя губа то и дело подрагивала, отчего Стаська постоянно прикусывала ее, пока, в конце концов, не сжала зубы слишком сильно:

– Черт... – она потрогала пальцами кровоточившую губу и встала. – Я сейчас...

– Погоди, – я успела перехватить ее за руку. – Возьми вот

салфетки спиртовые, сядь и прижги.

Взяв голубой конвертик с салфеткой, Стаська вернулась на свое место и, приложив остро пахнущий спиртом квадратик к губе, охнула:

– Зараза... больно...

– Ничего, сейчас пройдет.

Определенно, мне совершенно не нравилось то, что происходило с моей подругой, но еще сильнее не нравилось то, что она отказывалась говорить о причинах своего странного состояния.

Я хорошо знала – приставать с расспросами бесполезно, Стаська расскажет все ровно в тот момент, когда сама решит, что нужно сделать это, и ни секундой раньше. А мои вопросы только разозлят ее и заставят еще сильнее закрыться.

Мы настолько давно дружим, что я научилась понимать и принимать ее такой, какая она есть.

Пожалуй, Стаська единственная, кому я прощаю странности поведения – с остальными я прощалась без сожаления, едва почувствовав, что мне стало некомфортно.

Правда, меня тоже нужно терпеть, чего уж там, и Стаська, надо признать, на многое закрывала глаза и часами выслушивала по телефону мои истерические вопли по поводу отсутствия работы или ссор с Захаром.

Наконец принесли наш заказ, и Стаська, взяв себя в руки, потянулась к sniffтеру, в котором янтарно светился коньяк. Зажав ножку бокала между средним и указательным паль-

цами правой руки, Стаська поднесла его к лицу, круговым движением всколыхнула коньяк на дне и втянула ноздрями запах:

– Ненавижу, как он пахнет, – произнесла почти нежно и сделала большой глоток. – А вот как в голову сейчас двинет, люблю, – продолжила она почти весело. – Да и для голосовых связок, говорят, полезно.

Я только головой покачала, любуясь подругой.

Мне почему-то всегда нравились такие вот моменты – когда ей было хорошо, весело, уютно, вкусно.

Мне казалось, что в Стаськиной жизни, несмотря на все хорошее, очень мало счастливых моментов. Или она просто не рассказывала о них мне.

Мы провели в кафе около часа, так и не коснувшись главного – причины внезапной Стаськиной поездки. Меня просто разрывало от любопытства, но Стаська молчала, обходя эту тему и болтая о чем угодно.

Коньяк немного расслабил ее, даже пальцы перестали дрожать, и я порадовалась, что уговорила ее заехать в кафе.

– Все, Настасья, я сейчас усну лицом в стол, – заявила подруга, когда снифтер опустел. – Зови официантку, рассчитаемся и поедем.

Когда я полезла в сумку за кошельком, Стаська метнула в меня такой угрожающий взгляд, что я смешалась и почти отбросила сумку назад на диван.

– Что за мода у тебя? – недовольно пробормотала я.

– Тихо. Мы договаривались.

– Но я...

– Лаврова, ты можешь не спорить, а? – устало произнесла

Стаська, доставая из кошелька несколько бумажек, и я вдруг увидела, что одно из отделений большого портмоне буквально забито долларовыми купюрами.

Станислава

Я ненавижу врать близким людям. Все, что угодно, но не это.

Особенно же ненавистно мне было сейчас обманывать Настю. Но я не могу позволить себе втягивать в свою ситуацию еще и ее – раз уж вынужденно втянула Захара.

Но Захар – мужик, разберется как-нибудь, если что, да и не грозит ему ничего. Подумаешь, устроит мне встречу с нужным человеком... А вот Настя непременно влезет во все по уши, и я буду считать себя виноватой, а мне сейчас лишний моральный груз не особенно кстати.

Всю дорогу из аэропорта я, как могла, прятала от нее глаза – невыносимо было видеть, как она подозревает что-то и пытается понять, что именно происходит.

Да, я нынче выглядела совершенно иначе, чем всегда, но у меня не было ни сил, ни времени, чтобы хоть как-то привести себя в порядок и не пугать Настю.

У меня был железный принцип – никогда, ни при каких обстоятельствах не выходить из дома и, тем более, не появляться в общественных местах без макияжа и с дулькой на голове.

Но сегодня я просто не нашла в себе сил заняться внешностью, да и желание поскорее убраться из квартиры тоже не оставило мне шансов.

Ничего, посплю, утром приму душ, накрасюсь, волосы уложу, как обычно, и все будет иначе. Возможно.

В квартире Лавровых ничего не изменилось с момента моего последнего приезда. Собственно, в этой квартире ничего не менялось уже лет десять – ровно с тех пор, как Настя потеряла работу.

Тут по-прежнему было чисто и уютно, но и на мебели, и на обоях, и на кафеле в ванной комнате лежала печать какой-то вынужденной старомодности, когда люди хотят, но не могут ничего изменить, а потому стараются хотя бы поддерживать видимость.

Настя всегда была маниакально чистолюбива, едва открыв глаза, хватала тряпку для пыли или принималась чистить и без того блестящую плиту, прежде чем сварить кофе к завтраку.

Но с каждым годом, и я замечала это, приезжая к ним, этого рвения в ней становилось все меньше и меньше, да и сама она как-то потухла, что ли. Угасла надежда на что-то лучшее. Она больше не искала работу, смирившись с ролью домохозяйки, а Захар то ли не замечал этого, то ли ему так было удобнее.

Он достаточно зарабатывал, чтобы платить домработнице, но зачем, если всегда есть Настя? Логично...

– Я тебе на диване постелила, – объявила Настя, едва мы вошли в квартиру. – Захар, мы вернулись, – крикнула она, совершенно не смущаясь тем, что часы в прихожей показы-

вали половину четвертого.

– Я слышу, – Лавров появился из спальни, сразу обнял меня: – Ну, отлично, что прилетела. Вы голодные?

– Ну ты смотри, – протянула Настя насмешливо. – Неужели соизволил плиту зажечь?

Захар поморщился:

– Не начинай. Я просто запек семгу с картошкой.

– И это кстати, – вмешалась я, почувствовав напряжение между супругами. – Я что-то после коньяка есть захотела.

Настя удивленно посмотрела на меня:

– И давно ты по ночам семгу с картошкой ешь?

– Ну, вот сейчас дебют у меня будет, – просипела я, направляясь в ванную. – Вот руки только вымою.

– А у меня и коньячок имеется, – радостно сообщил уже из кухни Лавров.

– Алкоголик, – процедила вошедшая вслед за мной в ванную Настя.

– Ты чего это? – удивилась я, намыливая руки и подставляя их под струю воды.

– Да ничего! – шепотом проорала Настя. – Заколебал! И так почти каждый день, а теперь еще и повод законный – ты же приехала!

– Я не буду с ним пить.

Настя вдруг осеклась, хлопнула себя по губам ладонью и жалобно посмотрела на меня в зеркало:

– Стась, ты только не обижайся... я не к тому, что ты при-

ехала и будешь его тут спаивать, он и без тебя с этим отлично справляется...

– Я поняла, Настя, расслабься. Я у вас долго не задержусь.

Она опустилаь на пушистый коврик у ванны и разревелась. Ничто в жизни не выбивало меня из равновесия так, как ее слезы – ну, не могу я выносить того, как она плачет, некрасиво кривя лицо и сморкаясь в оторванный шмат туалетной бумаги. И эти слезы, которые не текут по щекам, как у всех людей, а брызжут в стороны, как у клоунов в цирке...

Я села рядом на корточки и коснулась ее плеча:

– Настя, ну прекрати, что ты, в самом деле... Я действительно к вам только на три дня, и Лавров тут ни при чем, и слова твои... так и планировалось изначально, я же тебе и по телефону так сказала... ну, что ты ревешь-то?

Настя подняла на меня мокрые глаза со слипшимися от слез ресницами:

– Ты всегда такая! У тебя есть своя жизнь, и для меня там нет места... Для меня вообще нигде нет места, я никому не нужна! Ну, правильно – я кто теперь? Никто! Обслуга, домохозяйка! Вокруг меня одни гении – писатель, журналистка! А я никто, об меня и ноги можно вытирать, правильно!

Я крепко взяла ее пальцами за подбородок, задрала голову и жестко произнесла:

– А ну, прекрати истерику немедленно. Если хочешь, чтобы я осталась, вставай, подбирай сопли, умывайся, и идем в кухню семгу есть. Понятно? Иначе я сейчас же отсюда уеду.

Мне не до твоих концертов.

– Конечно... – начала было Настя, но, поняв, что я не пошутила, осеклась и начала вставать: – Все, я поняла... сейчас умоюсь...

Я вышла в кухню, где уже колдовал над столом Захар, раскладывая по тарелкам изумительно пахнущую рыбу и мелкую картошку, всю обсыпанную свежим укропом. Углядев на столе бутылку, я взяла ее за горлышко и вынесла в соседнюю комнату, сунула там за диван и, вернувшись, сказала изумленно проводившему меня взглядом Захару:

– Повода нет.

– Ну по маленькой-то...

– Ты что, не слышишь? Повода нет, а у нас с тобой дела завтра – ведь так?

Лавров сник, но больше на эту тему не заговаривал, и к тому моменту, как успокоившаяся и приведшая себя в порядок Настя присоединилась к нам, выглядел совершенно спокойным и довольным жизнью. Она же, окинув взглядом кухню, обнаружила отсутствие спиртного и едва заметно кивнула мне, одними губами прошептав «спасибо».

За ночной трапезой мы почти не разговаривали, перекидывались ничего не значившими фразами, но напряжение за столом чувствовалось, и я понимала, что одной из его причин являюсь я.

Наверное, это было большой ошибкой с моей стороны явиться в этот дом со своими проблемами, здесь, кажется, и

без меня их хватает. Но Захар был нужен мне по двум важным вопросам, и без него я не справлюсь.

Эгоистично?

Наверное.

Но в случае положительного исхода Лавров тоже кое-что поймееет, так что мне, в принципе, нет повода терзаться угрызениями совести.

Несмотря на то, что после выпитого в кафе коньяка почувствовала голод, я не смогла заставить себя положить в рот ни кусочка рыбы, ни ломтика картошки – одна только мысль об этом вызывала спазмы в желудке, и я так и просидела над полной тарелкой, даже не попробовав.

Покончив с едой, Захар сказал, что еще немного поработает, и ушел в спальню, откуда через пару минут раздались энергичные щелчки по клавишам, а мы с Настей остались. Она уселась напротив меня, толкнула дверь, и, когда та закрылась, спросила:

– Тебе хоть немного лучше?

– Да мне и не было плохо, – как можно безразличнее отозвалась я, вставляя в мундштук новую сигарету.

– Казакова, ты ври кому-нибудь другому, а? – попросила Настя. – Я тебя давно знаю, чтобы в это поверить. Явилась ни с того ни с сего, руки трясутся, выглядишь как пугало, шарахаешься от каждой тени, мобильник молчит – и у тебя все в порядке?

Похоже, зря я ее считала всегда рассеянной клушей, не

способной к аналитической деятельности... Оказывается, Настя видит многое из того, что я хотела бы скрыть.

– Понимаешь... – я закурила, взвешивая в голове, какую порцию информации могу выдать подруге, чтобы не сказать лишнего. – Вершинин застрелился две недели назад.

– Что? Как это? – захлопала ресницами Настя.

– Ты что, вообще новостей не читаешь и не слышишь? По всем каналам трубили, весь интернет забит. Застрелился прямо в кабинете у себя. Он же под следствием был, должны были сперва от работы отстранить, потом арестовать, но он на опережение сыграл, прямо из табельного пистолета и застрелился, – я передернула плечами, вспомнив снимок, который показал мне следователь – Алексей лежит, навалившись грудью на стол, а вокруг его головы расплылось темное пятно.

Настя слушала, открыв рот в буквальном смысле этого слова – нижняя челюсть у нее висела и немного подрагивала, а в глазах копились слезы.

Я тоже, как могла, сдерживалась, чтобы не зарыдать.

Пять лет моей жизни, пять беззаботных лет, полных любви, счастья и надежд на будущее. Усилие воли, выстрел в висок...

Но так, наверное, лучше – все равно это закончилось бы трагически, не решишь Алексей на такой шаг. Но даже Насте я не могу рассказать всей правды.

– Господи... – прошептала она, вытирая слезы пальца-

ми. – Как же... зачем же он?..

– Его обвинили в получении взятки, должны были арестовать. Как ты понимаешь, никакой взятки он в глаза не видел, а если бы и видел, то ни за что не притронулся бы.

Года три назад я познакомила Настю с Алексеем, мы прилетали сюда вдвоем, и подруга во все глаза смотрела на моего кавалера, ну, еще бы – начальник городского Управления внутренних дел, самый, пожалуй, молодой из своих коллег, ему было всего тридцать восемь.

Внешне Алексей был похож скорее на актера, чем на полицейского – высокий, темноволосый, с яркими синими глазами и чуть заметной горбинкой на носу.

У него был легкий и веселый характер, рядом с ним невозможно было скучать или хандрить, и даже Настя, склонная в последние годы к меланхолии, в присутствии Алексея встряхнулась и заблестела глазами.

Она потом часто упрекала меня в том, что я отказывалась выходить замуж. Но я не чувствовала потребности в этом, даже не знаю, почему.

Нам и так было хорошо вместе, нам не мешало даже то, что я постоянно копалась в каких-то криминальных темах, то и дело выдавая статьи с разоблачениями.

Алексей, кстати, никогда не помогал мне в поиске информации – так сразу и сказал, что делать этого не станет.

– У тебя полно своих источников, а я не хочу становиться одним из них. Хочу дома отдыхать, а не быть все время на-

чеку, – шутил он, и я не спорила.

Источников мне и в самом деле хватало.

– Стаська, но как же так вышло? – спросила Настя.

Я пожала плечами.

На самом деле теперь-то я отлично понимала, как именно вышло.

На каждый хитрый болт всегда находится не менее хитрая гайка. Вот и на Алексея нашлась, потому что недооценивать потенциального противника всегда очень опасно.

Непонятно только, как он сам до этого не догадался.

– И что ты теперь будешь делать?

– Есть один план... лишь бы срослось, а там уже полегче будет.

Настя вдруг перегнулась через стол и взяла меня за руку, в которой я крутила зажигалку:

– Ты боишься мне довериться?

– Я не боюсь, Настя. Но тут такое дело, что свидетели рискуют, понимаешь?

– То есть, ты все-таки ввязалась в это, да? – требовательно глядя мне в глаза, спросила Настя. – Не отрицай, Стаська, я же вижу и все понимаю. Ты прилетела сюда с какой-то целью, и ты боишься, что тебя здесь найдут прежде, чем ты успеешь сделать то, что задумала. Не знаю, что именно, но, похоже, что-то не совсем законное, да? И с Захаром ты это тоже обсудила, потому-то он и не удивился, когда я сказала, что ты летишь. С Захаром, значит, можно, а со мной нельзя?

Я высвободила руку, вставила новую сигарету в мундштук и, закурив, сказала:

– Ну, давай поговорим о тебе, это же всегда было темой номер один в наших разговорах. Даже в ситуации, когда у меня погиб любимый мужчина, а я прилетела сюда сломя голову, потому что... ладно, неважно... но ты даже в такой момент ухитряешься напомнить мне, что это ты несчастна, одинока, не понята и вообще воплощение вселенских страданий. Ей-богу, Настя, твой эгоизм и зацикленность на себе иной раз превышают все допустимые нормы.

Настя встала и вышла из кухни, скрылась в ванной и включила воду. Ну, все, теперь меня тут точно ничего не держит.

Я выбралась из-за стола, накинула куртку и туфли, порадовавшись, что даже не успела открыть чемодан, а потому имею возможность быстро убраться из этого дома.

Так я и сделала, не дав хозяевам опомниться и остановить меня.

Я прекрасно знала, что Настя, одумавшись, рванет следом, но на это у нее уйдет какое-то время, потому, если быстро сесть в первое остановившееся такси, я успею уехать до того, как моя подруга разыграет во дворе сцену с заламыванием рук и рыданиями.

Да, наверное, я сейчас тоже веду себя эгоистично, но у меня просто нет сил на чужие драмы.

Желтый автомобиль с шашечками остановился рядом ровно в ту секунду, как я подняла руку – вывернул из пере-

улка. Водитель вышел, помог погрузить чемодан в багажник и открыл для меня дверку:

– Вокзал, аэропорт?

– Гостиница, – вздохнула я, решив поехать туда, где мы останавливались с Алексеем.

Номер я получила без проблем, мне даже помогли докатить чемодан до лифта, хотя необходимости в этом не было. Заперев за собой дверь, я сняла куртку и туфли и распласталась поперек кровати, даже не потрудившись снять покрывало.

Аделина

Оксану я дожидалась уже в своем кабинете, где Васильков радостно вывалил передо мной на стол кучу документов, на которых должна была появиться моя подпись.

– Ты уж сделай доброе дело, раз приехала, – попросил он, бочком пробираясь к двери, – знаешь ведь, как меня эта волокита бумажная раздражает.

– Да уж знаю, – улыбнулась я, поймав себя на мысли, что весь день сегодня только и делаю, что растягиваю губы в улыбке. Оказывается, это не так уж сложно...

– Аделина Эдуардовна, к вам госпожа Владыкина, – пропел голос Аллочки по интеркому.

– Пусть заходит, – я убрала последнюю папку и сняла очки.

Оксана впорхнула, наполнив мой кабинет ароматом роз – она всегда выбирала цветочные духи, шлейф от которых сохранился в помещении еще довольно продолжительное время. У меня же от таких всегда болела голова.

– И сразу лицо недовольное, – констатировала подруга, отодвигая стул и шлепая на столешницу сумку. – Что не так опять? Ты вроде должна излучать счастье, спокойствие и полную удовлетворенность жизнью, а тут, смотрю, ничего не поменялось.

– Может, хватит демонстрировать зависть так уж явно,

а? – поинтересовалась я с улыбкой.

– Фу! – притворно оскорбилась Оксана. – Ну как ты вообще такое можешь говорить? Я же исключительно за твое счастье, уж кто-кто, а ты его точно заработала.

– И давай на этом обмен колкостями закончим. Ты с каким вопросом ехала? И, кстати, что у тебя с губами? – я прищурилась и встала, поманив подружку за собой к окну.

Развернув Оксану лицом к свету, я пристально посмотрела на ее слегка перекошенные губы, взяла салфетку и вытерла помаду, чувствуя под пальцами бугорки.

– Ты что – сделала что-то?

Оксанка виновато кивнула:

– И прикинь, все пошло какими-то кочками.

– Ну, в целом мне понятно. Можем прямо сейчас Василькову показать, он и сделает.

– А сама что? – недовольно поморщилась Оксана.

– А у меня, если помнишь, принцип – никогда не лечить родных.

– Ну, пусть Васильков...

Мы пошли в лечебный корпус, и по дороге я позвонила в ординаторскую, попросив дядю Славу подойти в смотровую.

Увидев Оксану, он почти сразу понял, в чем дело:

– Дешевенькие препараты колола? Молодец. А в какой подворотне?

– Ну, я не виновата, что ваша начальница меня на порог своей клиники пускать не хочет, – пожаловалась Оксана, уса-

живаясь под лампу. – А это можно как-то исправить?

– Исправить-то почти все можно, – садясь напротив и опуская на лоб зеркало, сказал Васильков. – Вопрос только в том, научит ли кого-то чему-то подобная манипуляция. Так больно? – легко нажав на нижнюю губу, спросил он, и Оксана поморщилась:

– Неприятно.

– Ну, еще бы...

– А следы останутся?

– Будем очень стараться.

– Вы, Вячеслав Андреевич, клиентку не пугайте, а то уско-чет вместе со своими комками в губах, – вмешалась я.

– Куда она денется? – рассмеялся он, закончив осмотр. – Не ходить же по улице с такими буграми, правда? Можно амбулаторно все сделать, но я рекомендую все-таки пару дней в стационаре провести. Расценки наши знаете?

Оксана беспомощно оглянулась на меня, и я кивнула.

Разумеется, брат с нее деньги за операцию и два дня в стационаре я не собиралась, хотя, наверное, и следовало сделать это просто для науки, чтобы знала, как оплачиваются последствия инъекций в сомнительных кабинетах. Но я прекрасно понимала, что таких денег у безработной Оксанки, живущей с матерью, просто нет.

– Этот вопрос решили, – заключил внимательно наблюдавший за нами Васильков. – Тогда завтра с утра?

– Ой, а можно послезавтра? – попросила Оксана умоля-

ющим голосом. – Мне завтра нужно одно дело закончить, а вечером я могу сюда приехать.

– Тогда с утра послезавтра, – сказала я. – И операция на следующий день. И имей в виду – никто тут под тебя подстраиваться не будет, у нас график операций составлен заранее, и твои комки не настолько срочная процедура.

– А тебе обязательно показать, что ты тут начальник, да? – недовольно спросила подруга. – У меня действительно есть дело на завтра, я не могу его отложить.

– Вячеслав Андреевич, спасибо вам за помощь, – с нажимом произнесла я, и Васильков, бросив в корзину использованную маску, взялся за ручку двери:

– Ну, до встречи, Оксана. Жду вас послезавтра.

– Спасибо, я обязательно приеду.

Когда Васильков ушел, я выключила лампу и села на табурет напротив Оксаны:

– Дело, значит?

– Мне надо встретиться кое с кем и кое-что прояснить до конца.

– Решила подбить итоги с бывшим работодателем? – догадалась я. – Я бы на твоём месте...

– Ты на своём разберись, – перебила она. – Отхватила мужика – между прочим, на работе – так и держись, чтобы не увели. А я должна понять, как он мог спать со мной и не заступиться, позволить, чтобы меня уволили.

– Так ты на работу кем устраивалась? Специалистом или

так, помочь сотрудникам время в обеденный перерыв скоротать?

– Очень смешно! Я влюбилась.

– Ты влюбляешься в каждого, кто на тебя посмотрел, так что ничего нового. Может, стоит уже остепениться? Ты Севу потеряла из-за этого.

Оксанка опустила голову:

– Вот это, кстати, была самая страшная потеря в моей жизни, тут ты оказалась права. У меня как будто кусок души вырвали, – тихо призналась она, глядя в пол. – Мне казалось, что я и без Севы проживу, и даже лучше жить буду. Свобода, никому отчитываться не надо... Отчитываться действительно не надо, а вот голову на плечо вечером некому положить. И никто по спине не погладит и не скажет: «Ну, что, устала? Как день прошел?» Потому что никому неинтересно, как он прошел, этот день. Мама вечно злится, но ее понять можно – мы обе уже в том возрасте, когда делить одну кухню с кем-то трудно. У нее свои привычки, у меня свои, и вместе существовать нам тяжело, мы отвыкли. А Сева меня любил.

– Когда я говорила тебе об этом, ты фыркала и кричала, что тебе от этой любви ни холодно ни жарко. Нужно было потерять, чтобы понять?

Оксана медленно подняла голову, и я увидела, что по ее щекам текут слезы.

– Делька, как ты думаешь, возможно все назад вернуть?

Мне бы очень хотелось ответить на ее вопрос утверди-

тельно и зажечь в душе подружки хоть какую-то надежду, но профессия приучила меня никогда не делать и не говорить того, в чем я не уверена. А в ситуации с Севой ответ скорее мог быть отрицательным.

Оксана так много лет пользовалась его доверием, обманывала, сбегала, уходила к другим мужчинам, что даже терпение такого спокойного и флегматичного однолюба, как Всеволод, подошло к концу.

Мне казалось, что, приняв решение и разведясь с Оксаной, он уже никогда не передумает и не даст ей больше ни единого шанса.

Мы довольно часто созванивались и поддерживали отношения, но ни разу за все это время Сева не спросил у меня, как дела у его бывшей супруги. Решившись на серьезный шаг, Всеволод явно не собирался поворачивать обратно...

– Знаешь, наверное, мне так и надо, – глухо сказала Оксана, поняв причину моего молчания. – Я никогда не умела ценить то, что у меня есть, всегда хотела другого, большего, лучшего. А оказывается, его нет, этого лучшего и большего. Другое – вот оно есть, да... Подлое, мелкое, трясущееся только за себя, переживающее только о себе и своем комфорте...

– Так зачем тебе расставлять с ним какие-то точки? Если ты понимаешь, как все обстоит на самом деле?

– Я хочу, чтобы он понял, кого потерял.

Ну ясно – ничего не меняется, а уж люди – тем более...

Какой смысл в этих прыжках по граблям? Выяснить что-то, делать себе больно, понимая при этом, что итог будет печальным...

Я предпочитаю потерять быстро, чем каждый день отрезать от сердца по кусочку, а Оксане непременно нужно поваливаться в ногах у мужчины, пытаюсь внушить ему хотя бы чувство вины, если уж не желание вернуться.

Каждому свое...

– Мужчина, которого ты выбираешь, всегда отражает твою самооценку. Потому, если рядом с тобой откровенное дерьмо, так может, стоит сперва о своем внутреннем состоянии подумать? О том, как сильно ты себя недооцениваешь, раз связалась с таким?

– Чувствую, в вашей конторе новый психолог, – вытерла глаза Оксана и полезла в сумку за косметичкой. – Прежний выражался иначе.

– Психолог у нас действительно новый, но он не имеет никакого отношения к тому, что я сказала. Просто я права, а ты не любишь этого.

– Ой, Деля, да брось ты – люблю не люблю... Ты никогда не выбираешь слова, всегда лупишь в больное место, а это бывает очень обидно.

– А было бы лучше, если бы я помогала тебе подкидывать дровишек в тлеющий костерок твоей обиды? Зачем? Тебе надо пересмотреть прежде всего свое отношение к себе. К себе самой, понимаешь? Может, тогда ты и перестанешь и

мужиков каких-то бесполезных выбирать, и колотить в лицо сомнительные препараты, а? Я ведь понимаю, откуда это все – ты себя не любишь, не принимаешь и пытаешься переделать. И от этой же заниженной самооценки ты выбираешь мужчин, которые тебе ее еще сильнее занижают. Нельзя любое подмигивание принимать за чувства.

– Ой, все, не могу больше слушать, – Оксана закончила поправлять макияж, резко дернула «молнию» косметички и встала. – Поехали домой. Ты на машине?

– Да.

– До города подкинешь?

– С ума сошла? Нет, сама добирайся. Вечно ты какие-то глупости несешь, если обиделась.

Я сменила туфли, в которых ходила на работе, на уличные, выключила компьютер, убрала со стола все папки на небольшой столик у двери – Алла перед уходом расставит все по местам.

На экране мобильного светился пропущенный звонок – я не включила звук и не заметила, что мне звонили. Это оказался Матвей.

– погоди, я перезвоню, – попросила я Оксану, уже открывавшую дверь кабинета. – Да, Матвей, прости, я звук убрала. Уже собираюсь. Оксану доведу и приеду. В магазин заскочить? А-а... Хорошо, спрошу. Да, и я, – убрав телефон в сумку, я повернулась к подруге: – Матвей приглашает к нам на ужин.

– Ты только не обижайся, но я к вам не поеду, – сказала Оксана, прикусывая нижнюю губу. – Не могу смотреть на чужое счастье, не имея своего.

– Фу, ну что за глупости?

– Это для тебя глупости, а я только теперь поняла, что ты должна была испытывать, когда приходила к нам с Севой.

– У вас с Севой я отдыхала и уж точно не испытывала дискомфорта. Но дело твое, – признаться, я устала от ее попыток уколоть меня и предпочитала подбросить подружку до дома, а самой оказаться на диване рядом с мужем и забыть о наших с Оксаной разговорах.

Завтра я поеду на работу, окунусь в привычную среду, встану к операционному столу, буду консультировать, оперировать, решать чужие проблемы – но это будет только завтра, а остаток сегодняшнего дня я все-таки хочу провести рядом с любимым человеком.

А что, имею право...

Анастасия

– Ну, и что у вас случилось?

Захар недовольно смотрел на меня, сидящую в кухне на том самом месте, откуда недавно сорвалась Стаська.

– Ничего.

– Тогда почему она уехала? Ты видела, сколько времени вообще? Куда она пошла, да еще с вещами? Ты вообще о ком-то, кроме себя, думаешь?

Ого, а вот это уже новости...

Захар никогда не разговаривал со мной таким тоном, и уж точно не делал этого из-за такой ерунды, как размолвка с подругой. Его это вообще касаться не должно, но поди ж ты – беспокоится он о том, куда Стаська направилась!

– А ты? – перешла я в нападение. – Ты, например, обо мне когда-то думаешь или предпочитаешь за все человечество, потому что так легче? Абстрактная жалость всегда дается проще конкретной, как и помощь, правда?

На лице Захара появилось растерянное выражение, он явно не ожидал, что я внезапно дам отпор.

– Настя, ты чего? – протянул он. – При чем тут человечество, что ты несешь? Я спросил, куда Стаська на ночь глядя поехала, а ты скандал раздуваешь... Зачем?

– Скандал?! Лавров, ты вменяемый вообще?! Ты за моей спиной ведешь какие-то дела с моей подругой – и я раздуваю

скандал?! Да другая бы на моем месте еще и тебя бы из дома выкинула вслед за Стаськой!

Так, а вот этого говорить не стоило...

Квартира принадлежала мне, досталась в наследство от бабушки, и Захар здесь не был даже прописан – уже не помню, почему мы так решили, едва поженившись. Но любое упоминание о том, что он здесь по сути никто, всегда оказывалось для мужа болезненным.

Обычно я умела держать язык за зубами, а вот сегодня не утерпела. Нас, как и москвичей, сильно испортил пресловутый квартирный вопрос...

Захар не стал ждать, когда я выставлю его, а молча собрался сам, и никакие мои уговоры и слезы не помогли – в шестом часу утра Лавров, прихватив сумку с ноутбуком и портфель с бумагами, вышел из квартиры, не забыв оставить на полке под зеркалом связку ключей.

Я села прямо на пол в коридоре и зарыдала в голос.

Часов в восемь я едва смогла открыть опухшие глаза и не сразу поняла, почему лежу на полу, и почему в уши бьет какой-то противный вибрирующий звук.

Это оказался мой мобильный, лежавший во внутреннем кармане рюкзака, который я по странной прихоти использовала вместо подушки. С трудом вынув его, я даже не посмотрела, кто звонит – надеялась, что это Захар.

Но это оказалась Стаська, и, услышав ее голос, я почувствовала, как к щекам прилила кровь – все-таки вчера я по-

вела себя отвратительно и теперь испытывала жгучий стыд.

– Значит, так, подруга, – сказала Стаська, даже не поздоровавшись. – На твой паспорт, очевидно, есть дубликат. И этим дубликатом кто-то активно пользуется. Выглядит все очень странно – человек колесит по разным направлениям на поездах и только однажды берет билет на самолет и летит... угадай, куда?

– Не знаю, – машинально произнесла я, не совсем понимая смысл слов, произнесенных подругой.

– В мой город. Причем совершенно недавно, буквально пару месяцев назад. Но, что тоже довольно странно, обратного билета в системе не найдено. Ты была у меня лет восемь назад, так что точно это не можешь быть ты.

– А полная тезка? Фамилия-то не самая редкая...

– Настя, включи голову. Может быть полная тезка. Но серия и номер паспорта у нее не могут быть твоими. А не спросишь, откуда у меня сведения о перемещениях?

– Откуда?

– Потому что за дамой, использующей данные твоего паспорта, установлено наблюдение. И это – данные отчетов. Как я их достала, говорить не буду, источники не выдаю. Но с этим что-то делать надо.

– Ты где? – спросила я, не особенно рассчитывая на ответ.

– Жду машину. У меня есть дело, а потом я буду свободна. Если хочешь поговорить подробнее – давай где-то в городе пересечемся после обеда, я расскажу все, что узнала.

– Может, ты ко мне приедешь?

– Нет, Настя. Хочешь поговорить – встретимся в кафе.

– Стася... ну не сердись, а? – взмолилась я, чувствуя, что сейчас снова заплачу. – Я иногда несу чушь и обижаю тех, кто рядом... самых близких...

– Такими темпами ты совсем одна останешься, – я услышала, как щелкает зажигалка. – Всякому терпению приходит конец, мое тоже не безгранично. Да и состояние у меня не из лучших. Но я ведь не позволяю себе сорваться на тебе, правда? А мне так хочется выпрямиться во весь рост, запрокинуть голову и орать, пока не оглохну от собственного крика. Но я держу себя в руках, чего бы мне это ни стоило. И не обрушиваю это на твою голову, например. Хотя могла бы – раз уж мы близкие люди, как ты говоришь. Все, мне пора, вон моя машина. Надумаешь встретиться – позвони на этот номер.

Стаська отключилась, а я подумала, что в чем-то она права.

Будучи очень сильной, она держала в себе такую бурю эмоций, что мне даже представить страшно.

Погиб ее любимый человек... совсем недавно, но Стаська, как железный рельс, продолжает выполнять свои функции и не разваливается на части.

А у меня, по сути, ничего серьезного не произошло, и работу я не вчера потеряла, и с Захаром все пошло под откос тоже не сегодня утром...

Я просто распустилась, жалею себя и, как ни странно, получаю от этого удовольствие, тут Стаська точно права. Мне, видимо, нравится страдать, раз я ничего не делаю, чтобы как-то ситуацию изменить.

А ведь это противно...

Я решительно взялась за телефон, но вспомнила, что Стаська куда-то едет и вряд ли станет говорить в машине, а потому просто набрала сообщение:

«Встретимся в два часа дня, японский ресторанчик «Суши-соба», помнишь, ты там как-то тартар ела? Это в центре, недалеко от оперного театра. Жду тебя внутри. Целую, удачи тебе».

Нажав на «Отправить», я почувствовала себя немного лучше.

Стаська всегда умела ценить тех, кто признавал свою неправоту и мог сказать об этом вслух. За мной подобное водилось довольно редко, так что, наверное, она удивится.

Осталось выяснить, где провел остаток ночи мой муж.

Захар всегда ночевал дома, я не могла даже припомнить случая, чтобы он, засидевшись, допустим, с друзьями, явился под утро или к обеду следующего дня.

Нет, в любом виде и состоянии Лавров доносил тело до любимой кровати, падал лицом в подушку и спал, постанывая от удовольствия – сам потом признавался, что нигде не спит так хорошо, как дома, и, если случались командировки,

это было для него самым страшным.

Его телефон не отвечал.

Звонок проходил, но трубку не снимали, это меня насторожило. Всегда отвечать на звонки – такое у нас было правило, и мы его придерживались.

Сегодня же что-то пошло не так. Вернее, не так оно пошло вчера ночью, после приезда Стаськи. Или чуть раньше, после того, как я обнаружила накладки с паспортом?

Теперь уже не поймешь, но определенно вчерашний день перевернул в моей жизни все.

«Захар, сними трубку, пожалуйста».

Отправив это сообщение, я перебралась в кухню, включила чайник, уселась за стол и, положив перед собой телефон, уставилась на экран. Так прошло около часа, я не шевелилась, боясь пропустить сообщение, но его не было.

Чайник снова остыл, но я даже не заметила, что чашка так и осталась пустой. То, что Захар не отвечает и не перезванивает, вдруг очень испугало меня.

Да, вот уже с год я подумываю о том, чтобы развестись с ним, но когда перспектива потерять его стала такой реальной, я не на шутку перепугалась – а что будет, если он не вернется?

Я обвела взглядом кухню и вдруг отчетливо поняла, что не смогу тут жить, если Захара не будет со мной.

Я снова и снова набирала номер, который по-прежнему не отвечал, и с каждым новым звонком мой страх только пре-

умножался. Неужели я потеряла мужа из-за какой-то ерунды? Ведь даже повода для ссоры у нас не было...

Станислава

Почему так трясутся руки? С самого утра, с тех самых пор, как я открыла глаза и вытянула из пачки первую сигарету...

Кофе пришлось заказывать в номер, потому что облиться прилюдно как-то не хотелось, а здесь я могу и из халата не выбираться, пока не позавтракаю.

Нет, завтракать тоже не буду – ничего не лезет в горло.

Когда же я ела последний раз? У Лавровых? Ела ли? Не помню...

Мне непременно надо взять себя в руки, потому что я в стрессовых ситуациях склонна к отказу от еды – это выходит как-то само по себе, я просто забываю, что нужно есть, а это чревато проблемами со здоровьем.

Мне сейчас совершенно нельзя заболеть, даже обычная простуда может вызвать серьезные проблемы, а уж такая неприятная вещь, как анорексия на нервной почве, и вовсе.

Нет, Стаська, ты должна держаться, должна все сделать, как задумала, и только потом можешь позволить себе что угодно – от анорексии до обжорства.

Очень некстати оказался звонок от одного старого информатора – именно к нему я обратилась по поводу Настинного паспорта, потому и пришлось включить телефон, которым пользовалась много лет, но который сейчас стал опасным.

Илья – так звали информатора – прислал мне несколько сделанных на мобильник снимков монитора, на котором я и увидела все передвижения женщины, использовавшей данные моей подруги.

Железнодорожные билеты почему-то сразу натолкнули меня на мысль о перевозке чего-то запрещенного, и Илья подтвердил:

– Да, тетка в разработке. Но ты смотри, Станислава, фотки эти нигде не свети, я их буквально из-под полы сделал в кабинете у начальника, если что – мне кирдык.

– Обижает. Я тебя хоть раз подставила?

Он только засмеялся.

Мы были очень давно знакомы, и это оказался тот редкий случай, когда одноклассник пригодился, да еще и там, где не ждали.

После окончания школы Илья, как не особенно способный к учебе, ушел в армию, а, вернувшись, поступил в школу тогда еще милиции, окончил ее и устроился работать сперва участковым, а потом ушел в районное отделение.

Однажды я брала интервью у следователя, занимавшегося делом об убийстве любовницы одного печально известного в городе бизнесмена, и нос к носу столкнулась в коридоре с Ильей. Он меня не сразу узнал, а, узнав, облапил и радостно сообщил:

– А я-то думаю – где я тебя раньше видел... А это ты, Стаська. Ух, какая стала... Погоди... так это что же, выхо-

дит, твои статьи в газете?

– Мои, Илюша.

– Ух, звезда! – он повернулся к провожавшему меня до выхода следователю и радостно объявил: – Стаська это Казакова, одноклассница моя.

– А ты, оказывается, школу окончил? – ехидно подколот следователь, и я поняла, что Илья тут явно не в авторитете.

Мы пошли выпить кофе, и за разговором я довольно ловко и профессионально, успев уже набить руку на подобных вещах, сумела убедить Илью иногда снабжать меня кое-какой интересной информацией.

Одноклассник согласился, но предупредил, что я ни при каких обстоятельствах не должна упоминать его имя и вообще разглашать источник. Это меня вполне устраивало.

Но сегодня, хоть я и ждала звонка, но раздался он все-таки не вовремя.

Теперь мне придется звонить Насте, а после вчерашней ссоры не очень хотелось это делать. Но я должна предупредить ее.

Наверное, вообще лучше всего написать заявление об утере паспорта или о его порче и получить новый, с другими данными, чтобы совсем уж выкрутиться из ситуации.

Мысленно я вдруг представила, что сейчас мне придется объяснять подруге каждую мелочь, каждую деталь вплоть до порядка действий, а на это нет времени, да и сил, признаться, тоже нет – мне предстоит серьезная встреча, от которой

многое для меня зависит.

Но звонить пришлось.

Настя обладала довольно уникальной способностью не вставать в позу, если после ссоры я звонила ей первой, а вести себя так, словно ничего не произошло.

Это сильно облегчало наши отношения – я в ответ поступала ровно так же. Это ведь очень ценное качество – не лелеять свою обиду, не раздувать угли потушенного костра, а просто перешагнуть и пойти дальше, не держа за пазухой никаких камней.

Так случилось и сегодня, более того – Настя удивила меня тем, что признала свою вину, правда, уже не в разговоре, который я свернула, так как время поджимало, а в сообщении, полученном мною уже в машине.

– Кто это тебе пишет? – поинтересовался сидевший рядом со мной в такси Захар.

– Жена твоя.

– Ты на нее, Стаська, не обижайся, – с какой-то обреченностью в голосе попросил он. – В последнее время Настя совершенно невменяемая стала, чуть что – истерика, слезы, лекарства. Обвиняет все и вся в своих неудачах.

– Тебе, чувствую, сильнее всех достается? – сочувственно заметила я, похлопав его по руке.

– Конечно. Я – первый враг. Ничего не могу, ничего не умею, вечно занят, денег мало приношу. По вечерам на радио пропадаю, ночами книгу пишу, днем то встречи, то по-

ездки какие-то. А она все время одна.

– Слушай, половина страны так живут – ничего, не поубивались.

– Ты, Стася, в другой среде выросла. А Настя с молодости оказалась в кругу людей богатых, вращалась в денежных сферах...

– И потому решила, что она равна этим олигархам, – подхватила я. – А они общались с ней на равных только потому, что в тех кругах не принято свысока разговаривать с обслуживающим персоналом. Ну, кто она была? Имиджмейкер! Я тебя умоляю... она ведь талантливый журналист, какого же черта ее понесло в такие дебри? Она на курсе входила в тройку лучших, сразу на работу устроилась в хороший журнал – ну, по меркам региональных СМИ. Так зачем было лезть туда, где сразу было понятно, что она надолго не задержится?

Захар молча передернул плечами.

Я спохватилась – именно он в свое время уговорил Настю бросить должность заместителя главного редактора в журнале и перейти в пресс-службу одного из местных чиновников.

Там ее заметил владелец металлургического комбината, пригласил поработать над его образом и речью, потом еще и еще кто-то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.